

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

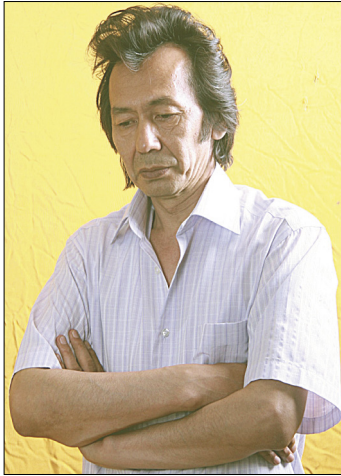

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

КАРТА НОБЕЛЯ

Три трактора-великана медленно ползут в одной упряжке, взрыхлив на четверть аршина застывший бесплодный солончак. Уходящая верхом в небо ажурная нефтяная вышка, стянутая сцепом стальных тросов толщиной с шею племенного быка, словно парит по-над землей. Июль, поддавая жару, над самой головой растапливает солнце. Умаявшийся от жажды жаворонок подставляет раскрытый, точно крохотные шипчики, клювик горячему суховею. Не найдя утешения, вспархивает, кружится волчком и, наконец, садится на самую макушку плавно движущегося сооружения.

Показалась стайка тонких, словно шелковый платок, облаков, но спасаясь от рычания трёх железных чудищ, поспешила удалиться подальше. Если в шестипалый ров, пробороздивший пустынную местность, угодят ягнята и козлята, то им из него и не выбраться без посторонней помощи. А вот вышка, влекомая тремя великанами, покачивая верхушкой в поднебесье, движется будто легко. Возможно, основание её установлено на колёсную платформу.

С наступлением вечерней прохлады навстречу механизированному цугу вышел подросток. В руках у него было закоптелое ведёрко с помятым боком. К одному из ушек приторочена красная веревочка в четверть пяди.

«Лексус», мчавшийся, поднимая пыль, по степной, накатанной, как доска, дороге, резко притормозил. Толстый, холеный мужчина, со слоистым, точно девичье одеяло на сундучке, подбородком, копошась в ширинке, быстро отбежал в сторонку. Видимо, крепко прижало! Голос подал ехавший рядом с ним смуглолицый, с серповидным носом.

— Эй, пацан, — спросил он мальчишку. — Что ты здесь ищешь?

— Хочу взять земного масла на растопку.

— Земное масло твоё — это нефть, что ли?
 — Да.
 — А оно где-то здесь выходит? — заинтересовался толстый мужчина, заканчивая с ширинкой и оглядываясь назад.
 — Да, тут у подножия солончака.
 — Молодец, вырастешь — большим нефтяником будешь!

Руки у толстяка полные, но пальцы были короткие. Мальчик разглядел и куцый ноготок на большом пальце.

— До Доссора далеко ещё?
 — Минуте пару холмов и увидите.
 — Погнали. Говорю же: старая карта не подведёт.

Достигнув восточной стороны посёлка Доссор, ажурная вышка встала. Три трактора-великана, сбросив сцеп стальных тросов, толщиной с шею плененного быка, и заглушив моторы, сгрудились поодаль. Вслед за «лексусом», немного поотстав, прибыли и три одинаковых вагончика цвета хаки.

Очистилась земля, поросшая колючкой и осотом, на возвышенном, лобном месте засияла вывеска «Dossoroil». Жители аула, встречая с выпаса скот, тогда только и заметили, что по соседству с ними, в мгновение ока, обустроилась какая-то иностранная компания.

Прибывшим издалека, должно быть, показалось неудобным сразу же расположиться на отдых, и они, решив несколько сгладить ситуацию, стали бегло представляться настороженным доссорским аборигенам. Оказалось, тот, со слоистым, точно девичье одеяло на сундучке, подбородком, был господин Джонсон. Руководитель компании. Смуглолицего, с серповидным носом, он представил партнёром. Парень с белесой волосатой грудью, заросший до самых бакенбард, назвался супервайзером. С чужаками приехала и старушка, сильно припадавшая на одну ногу. Ввалившиеся пуговицы её голубых глаз были грустными. Однако в них что-то поблёскивало, как на дне колодца в пустыне. Остальные, с десятком мужчин, как-то и не задержались в памяти аулчан. Больше всех их заинтересовала хромоногая старуха.

— Повариха, наверное, — сказала женщина, придерживая верблюжонка.

— Бросьте, что они, с голоду приехали помирать?.. Она и казан-то с места не сдвинет.

— Чья-то мать, скорей всего. Оставить не на кого. Бедняжка и припёрлась...

Оказалось, что хромая старуха — известная в Америке учёный. Великолепный знаток ящериц. Прослышала, что в казахстанских песках обитает доселе неизвестный науке вид. Говорят, длинная ящерица, с поразительно ветвистыми усами. Если она её отыщет, то вот оно — открытие, которое всколыхнёт мир. Это, мол, основная цель, ради которой госпожа Милли и прилепилась к нефтяной компании.

— Ой-хой! Наш верблюжий староста Нагим целыми днями рыщет по пескам, считая ящериц, — со-

общали аульные говоруны, забавляя господина Джонсона своим нелепым английским. — Коли на то пошло, то давайте объединим усилия двух ученых. Старуха его померла, он вдовец.

Услышав это, госпожа Милли чрезвычайно разволновалась, будто уже почти сделала открытие, которого ждала всю жизнь. Обняла краснощёкого крепкого старика, расправила обвисшие подковой усы и — расцеловала прямо в уста...

На следующий день прибыла казахская официальная сторона. Подписали бумаги, скрепили их печатями и обещаниями соблюдения интересов... На площади размахом с конный ипподром в скором времени было намечено возведение грандиозного комплекса, от которого на все четыре стороны света протянутся линии нефтепроводов. Таким образом, отсюда забурлит родник чёрного золота. Хозяевам останется аж десять процентов произведённой нефти, остальное пойдет за рубеж.

И десять процентов рабочей силы составят местные кадры. Вот она — сделка века! Вот что поднимает достояние, возвышает престиж страны! Гордость переполняла грудь. И хозяйева, принеся в жертву белого верблюда, устроили обильный банкет.

Джонсон же недаром приволок сюда подпирающую верхушкой небо ажурную нефтевышку. До этого и в Африканской сторонке он пенку снимал. Бурил и в Бангладеш. Разведовал недра Колумбии. Намечал и в Кувейте поработать — тоже во благо Кувейта... Но внезапно планы нарушились. И нарушил их его смуглолицый, с серповидным носом партнёр. Есть ли такая выгода, которую бы не учуял кривой его нос?

— Архивариус Шведской компании — мой давний приятель, — сказал он в один из обычных вечеров, опуская лёд в виски.

— Что из того?

— Он поведал мне одну тайну.

— Я — весь внимание!

— У него спрятана карта, которая начертана Нобелем собственноручно.

— Не может быть!

— Точно! Но хранится в большом секрете.

— Что просит?

— Не забегай вперед. До начала русской революции Нобель, как известно, добывал нефть в местечке Доссор. Потом русские оттуда его выкурили.

— Короче!

— По словам архивариуса, нефть тогда черпали из земли ведрами, бочками отвозили в Гурьев. Затем по Каспийскому морю...

— Чёрт с ним, с морем! Скажи, в чём суть!

— Нобель уже тогда проводил исследования.

— Ну и...

— Он утверждал, что в Доссоре на глубине семи — четырнадцати тысяч метров залегают гигантские запасы, которых бы хватило миру на ближайшие лет сто.

— Верится с трудом! Почему же тогда не освоили русские?

— Освоить хотели. Однако бур хоть и прошёл солевые пласты, но застрял на отметке в пять тысяч метров. Ну, они и прикрыли до лучших дней. А потом и сами, видать, запамятовали.

— Кабы нам карту эту заполучить!

— Попробовать достать копию — можно.

— А сколько архивариусу?

— Десять миллионов американских.

— Многовато!

— Многовато для бизнесмена, который завтра будет править миром?

Смуглолицый, с серповидным носом, резво вскочил с места.

— Славное семейство Рокфеллеров ждёт моей весточки. В таком случае...

— Погоди ты, господин хороший!..

* * *

Великолепный знаток ящериц, принимая старика Нагима за ровню, держалась с ним по-свойски. Прежде усов ящерицы измерила рост знатного верблюдовода. Попыталась описать антропологию его рук и ног. Тянула за ухо. Осматривала язык. Пока он ожидал, какое же место её заинтересует далее, она, к чести своей, остановилась.

— И сколько тебе лет? — спросила она.

— Семьдесят восемь!

— Не может быть!

— Это почему же?

— Такого здоровья не бывает даже у людей в цивилизованных странах. А тут — абориген!

— Не могу знать.

— Что же вы едите?

— Мясо, сметана да молоко...

— А овощи, витамины?..

— Их кушает верблюд. А мы едим его мясо. Какой же витамин ещё нужен?

— Просто поразительное варварство!

— А что случилось с вашей ногой? — в свою очередь, говорят, заинтересовался Нагим.

— Сухожилие стянуло. Нервные волокна спутаны. Лечения не существует. Сам профессор Фридман оказался беспомощен...

* * *

— ...Погоди ты. Господин хороший!.. Архивариус твой может засвидетельствовать подлинность карты?

— Безусловно!

— В таком случае, будем переводить ему из получаемой прибыли.

— Не годится. Деньги должны упасть в офшоры авансом.

— Ну да ладно, так и быть!

— Не пройдет и часа как копия карты будет в ваших руках.

С наступлением вечерней прохлады Джонсон прибыл в котловину, где, по слухам, выкачивал нефть сам Нобель. Останки старинной деревянной вышки, пропитанной мазутом, глубоко осели в топкую трясину. Сверху один каркас. Неподалёку сиротливо торчит и строение, оставленное русскими. Грунтовая вода подточила его, покосила набок. Потускнела изъеденная солнцем надпись на жестяном листе: «Коммунизм победит!» Гвоздь выскочил, и лозунг поскрипывал на ветру.

Джонсон прослышал, что в годы Второй мировой доссорскую нефть заливали в танки без переработки. Проверил её в лаборатории. Качество — отменное. Да... Постепенно он, в роли владельца крупнейшего в мире месторождения, сможет сбивать мировую цену на нефть! Понизит её до самого дна. И тогда, компании-конкуренты, не имеющие подобных запасов, начнут опрокидываться. Станут банкротами. Схватив их за горло, он мало-помалу начнёт отпускать цену на чёрное золото. На рынке спрос на нефть с малым содержанием парафина подскочит сам по себе. Толстосумы всего света прибегут к нему, будут на коленях умолять, подобострастно верещать: «Отче ты наш, дай нам немного смазки для ржавеющих наших заводов! Купюры тебе зелёные? — вот они, бери! Желаете золотом — оно твоё! Лишь окажи нам милость, хозяин...». Трах! Пух-Пах!

Какие приятные мысли! Кажется, сам горизонт с его серовато-голубоватой дымкой начинает растворяться в радужных просторах...

* * *

Слава Создателю, в Доссоре тоже есть своя какая-никакая мафия. В ночное время суток может пограбить, днём — пошерстить карманы прохожих и приезжих, опять же — контролирует подати с базара. Иной раз и чья-то мелкая, заблудшая животина может ароматно побулькивать в общем казанке... И всему этому заводилой один коротыш-казах, с шеей, будто вросшей в плечи. Если верить его словам, «зону не топтал». Но с малолетства рос рядом с цехом по забою животных. С той поры и у самого кровь попортилась.

И этот коротыш с шеей, будто вросшей в плечи, собрал вокруг себя с десятков членов местной шайки-лейки.

— Вот пёсье отродье, совсем нюх потеряли! — взревел он, топнув ногой. — Знаете, что творят эти иностранцы, понаехавшие сюда качать нефть?

— Да чо-то толкутся возле вышки.

— Три вагончика у них.

— Нью-Доссор, какой-то тут строить хотят.

— Во, бля... — взвился коротыш. — А моя бывшая краля — Айжан, прислуживает им теперь шеф-поваром!

— Да слышали...

— Мои поздравления!

Ляпнувший последнюю фразу словоохотливый парнишка с бельмом на глазу тут же получил пинком ботинком

— Так эта сучка теперь перед супервайзером хвостом виляет — во-первых. Во-вторых, погнала туда и пристроила девять местных девок, слонявшихся в поселке без дела.

— А чо они там делают?

— Днём варят-парят, а по ночам... Это и есть, в-третьих!

— Слышь, сходняк в полночь, — отрезал коротыш, с шеей, будто вросшей в плечи. — Проверим их потенцуху! Держите хвост пистолетом!

Опрокинулся серебряный ковш полумесяца, представляя ночной выпас многочисленным звёздам. Автофургон, набитый «членами мафии», подъехал и остановился рядом с тремя отошедшими ко сну вагончиками. Супервайзер, услышав ночных гостей, открыл дверь. Из-под мышки здорового до самих бакенбард, белая нижней сорочкой, высунулась голова Айжан.

— Чего надо?

— Она моя жена. Давай её сюда!

— Глаза б мои тебя не видели, наглец! — заговорила голова из подмышки. — Исчезни, я сказала!

— Давай сюда, тебе сказано! — потребовал коротыш, с шеей, будто вросшей в плечи, и ухватился за то, что мог. — Перед кем выступаешь, а?

— Крис — мой муж. Не трогай его за волос на груди! — закричала Айжан, отбив руку. — Я вышла за него!

В ту минуту переполох, вызванный полуночной братией, взбудоражил и другие вагончики, в которых устроились девять иностранцев с девятью местными девицами, скучавшими в посёлке без работы. Доморошенная мафия вопила, что девок заберет, потому как «дармовых баб здесь нет...».

— Так самолюбие ваше где? — спрашивал девиц словоохотливый парнишка с бельмом на глазу, молчавший после пинка ботинком.

— Заработай и имей собственную женку, кто тебе что скажет?!

— А где ваша совесть?

— Размажь её по своей долбаной голове!

— Шалавы! Навар поделите с нами, поняли!

В тот момент, когда уже побитые мафиози поочередно выскакивали из вагончиков, несладко приходилось и их главарю-коротышке. Он приземлился на песчаную почву навзничь. Верхом на нем восседал супервайзер. Бедолага орал во все горло и поносил всех матом. Но после каждого ядерного слова его бывшая ненаглядная Айжан, мелькая белой ночной сорочкой, засыпала ему в рот горсть песка. А песок-то, будь он неладен, разве когда-нибудь кончается?..

* * *

Верблюдовод Нагим был сама простота. Как-то, сидя за дастарханом, в день жертвоприношения рас-

смешил всех присутствующих: «Всякое видел на своём веку, но она — первая женщина, поцеловавшая меня прямо в рот, — смаковал он не без удовольствия. — Что ни говори, порода иностранная! Боялся, что какая-нибудь проказа вылезет на губах. Ох, и шустрая оказалась!» — восхищался старина, уморив всех от хохота.

— Ногу ей поправишь — и дело с концом.

— Поправит, даром, что не профессор.

— Готовая хозяйка будет. Разве что глаза голубые да слова заводные, — подначивали его друзья-старожилы.

Однажды вечером, собирая верблюдов, он завернул на вышку. Парни заняты своим делом. В тени вагончика притулилась грустная госпожа Милли. Начал жестами расспрашивать. Оказалось, разболелась нога, не давала шагу ступить.

Тогда краснощёкий крепкий старик поднялся с места и, пригладив изогнутые подковой усы, подошёл к лежавшему на коленях верблюду. Перочинным ножом срезал толстый пучок лохматой шерсти. Попросил девчат-поварих как следует прокипятить это добро в солёной воде. Затем, подождав, пока шерсть немного остынет, обмотал ногу свернувшейся калачиком госпожи Милли, невзирая на её вопли и недоумение, а сверху ещё и хорошенько забинтовал.

Аллаху нетрудно смилостивиться над человеком. Назавтра пуговицы глаз госпожи Милли засияли словно лампадки. Мало того, что прошла боль, сухожилие, которое стянулось и высохло тридцать лет назад, размякло и стало подавать признаки жизни.

И Милли стала просто бредить стариком Нагимом! На поиски верблюдовода срочно снарядили легковую машину. А после она уже не отставала от Нагима ни на шаг. Спустя семь дней забросила палку и приятно озадачила сим фактом жителей вагончиков.

Возле своих компаньонов она теперь долго не задержалась. В один из дней, когда появившийся у вагончика Нагим, уединённо живший возле колодца, собрался восвояси, она пошла за ним вослед. Потом хвалилась: «Пила козье сырое молоко. Отличные целебные свойства. Раньше на своем лице насчитывала тридцать две морщины. Сейчас осталось только шесть...» В следующую встречу с соотечественниками сообщала: «О, сафари! Пробовала настоящие сливки — вот вам и калории...», — и восхищалась, помолодевшая и душой, и телом...

На вопросы своих спутников: «Как же наука? Как же ящерица с поразительно ветвистыми усами?» — отвечала: — «Нашла! Я нашла то, что искала всю мою жизнь!»

Кто знает, что имела в виду?..

Устрашившись громадь стратегии Джонсона, некоторые зарубежные партнёры, угодничая и заискивая, вошли в состав учредителей под пять-семь процентов. Миллиарды долларов, схороненные в

чреве банков, разверзлись, как хляби небесные. Завершалось возведение грандиозного комплекса на площади размахом с конный ипподром. Чёрные трубы, пугающие одним своим жерлом, грозя поглотить все четыре стороны света, день изо дня, наперегонки, наращивали своё гигантское тулово. Бурильная установка подпирающей небо нефтевышки, прибуksированной тремя тракторами-великанами, день и ночь всё глубже и глубже вгрызался в земную твердь...

— Миновали границу пяти тысяч метров, — летела по миру восторженная новость.

— Достигли шести тысяч метров, — ласкала радужная молва слух каждого.

— Покорили межевой рубеж семи тысяч! — какой замечательный информационный повод для торжества.

— На глубине восьми тысяч ожидали фонтан нефти. И грандиозный комплекс, и гигантские трубы, распростёршие на все четыре стороны света свои объятия, неусыпно ждали того часа, когда станут свидетелями и участниками великого свершения.

— Миновали девять тысяч метров. Пошла грунтовая каша, — тревожное сообщение нагнетало страх на партнёров, вложивших большие деньги.

— Копайте!

— Глубже!

— Бурите!.. — Истошный голос был готов пробуравить не только землю, но чуть не взорвал само небо.

— Погрузились на глубину четырнадцати тысяч метров. Нет даже влажного грунта. В недрах земли осталось пять алмазных наконечников. Каждый в миллион долларов. Достать их не представляется возможным, — траурная весть моментально облетела весь земной шар.

Джонсон и его смуглолицый, с серповидным носом напарник, перепуганные до смерти, услышали, что в Доссоре проживает знаменитый ясновидец. Он может погадать на камешках, раскрыть тайну, которая только одному ему и ведома. Приспели к нему до заутрени. Совершив омовение, ясновидец склонился в благоверном намазе. Пришельцы тоже рухнули ниц.

Благородного склада, в белой чалме, тот даже и не спросил, зачем они пожаловали. Посидел молча, перебирая длинную бороду, как гласит молва, и сказал:

— Вы заложили свою душу дьяволу, дети мои... Заслужили кары нашей Матери-Земли. Возврата в прошлое нет. Отправляйтесь лучше восвояси с тем, с чем и пожаловали...

Жаворонок, подставляя свой маленький, точно крохотные шипчики, клювик горячему суховою, и по сей день пускает трели на макушку ажурной вышки. И, говорят, мимо неё, с закоптелым помятым ведёрком, паренёк всё по-прежнему ходит за земным маслом...